

Взрыв на химическом заводе в уезде Цинъюй имел огромные последствия, и в ходе расследования дела выяснилось, что на заводе в целях экономии средств работало несколько несовершеннолетних в возрасте до 18 лет.

Некоторые из детей даже не имели удостоверений личности, и им платили меньше, чем взрослым, за тяжелую и изнурительную работу в таких суровых условиях.

Когда об этой истории стало известно, власти сразу же отнеслись к ней серьезно и приказали провести полное расследование.

Дин Сыфэй, новичок в полиции, также был привлечен к этому делу, но его задачей было прийти в больницу, чтобы снять и запротоколировать показания пострадавших.

Поскольку раненых было так много, местная больница в уезде Цинъюй не могла принять их всех, поэтому многие раненые были направлены в отделения неотложной помощи близлежащих больниц.

Дин Сыфэй был отправлен в Первую народную больницу Дунцзяна. Он серьезно заносил в протокол показания пострадавших, но, глядя на подростков, которые были на шесть или семь лет моложе его, рассказывающих о днях, проведенных на химическом заводе, эмоциональный новичок не мог не скорбеть и в душе проклинал этих недобросовестных и аморальных начальников.

Он успокоил свой разум в туалете и дал себе небольшой перерыв, прежде чем вернуться к работе. Кто знал, что он замер от удивления, едва войдя в следующую палату.

В этой палате было особенно много народу: врачи и медсестры, а также несколько членов семей пациентов, многие также тайно заглядывали в дверь, и большинство из них - женщины.

В своей полицейской форме Дин Сыфэй, наконец, втиснулся внутрь. Он держал блокнот в руке, и как только перевел дух и собирался приступить к работе, он был ошеломлен зрелищем, представшим перед ним.

На больничной койке у окна сидел молодой человек, его чрезмерно худое тело покрывал широкий больничный халат, кожа была настолько бледной, что почти прозрачной, черные волосы немного длинные, спадающие на щеки, брови аккуратные, а выражение лица доброе и теплое, длинные густые ресницы, похожие на перья ворона, прикрывали слегка опущенные глаза.

Тихо сидя на кровати, он был прекрасен, как картина, из-за чего люди не хотели его потревожить.

Перед его кроватью собралась группа женщин всех возрастов, каждая с таким нежным выражением лица, как будто были зачарованы им.

"Сяо Пэй, ты голоден? Это бенто, которое я приготовила своими руками, я оставлю его здесь для тебя."

"Сяо Пэй, ты любишь фрукты? Это самые свежие фрукты, которые я только что сходила купить."

"Сяо Пэй, твоя кровать находится возле обогревателя, воздух здесь может быть немного сухим, я специально приготовила для тебя дополнительный увлажнитель воздуха."

"Сяо Пэй..."

Дин Сыфэй пришел в себя и, просто ошарашенный, спросил у медсестры рядом с ним, которая меняла повязку пациенту: "Это... это тоже пострадавший от взрыва?"

Медсестра взглянула на подростка у окна, ее щеки вспыхнули румянцем, и даже голос немного смягчился: "Да, Сяо Пэй был в машине вместе со спасенными ранеными".

Дин Сыфэй: "..."

Он кашлянул: "Мне не кажется, что у него есть какие-либо травмы..."

"Кто это сказал, что психическая травма - это не травма? - с праведным негодованием сказала медсестра, - Вы даже не знаете, товарищ полицейский, когда мы осматривали Сяо Пэя, то обнаружили, что он сильно недоедает и находится в состоянии хронического голода. Вам нужно основательно разобраться, кто мог позволить такому ребенку так долго недоедать в наше время!"

Дин Сыфэй: "..."

Тем не менее, какое отношение имеет недоедание к взрыву?!!!

"Блин, это не потому что он такой красивый...", - пациент, которому меняли повязку, пробормотал правду.

Медсестра широко раскрыла глаза и уставилась на него: "Хватит ворчать, снимай штаны, пора

делать укол!"

Пациент продолжал бормотать, снимая штаны: "С другими Вы нежны, как вода, но со мной Вы свирепы, как тигрица..."

Не успел он закончить фразу, как медсестра без всякой жалости воткнула иглу в его ягодицы, заставив пациента вскрикнуть.

Медсестра, медленно вводя лекарство из шприца, холодно фыркнула: "Глупости, Вы просто выглядите уродливо!"

Глядя на свирепое лицо медсестры, Дин Сыфэй сглотнул, затаив дыхание.

Товарищ Дин, новичок в полицейском мире, был окружен толпой, прежде чем он смог понять, как пробиться сквозь толпу.

Он достал блокнот и, дрожа, медленно сел в этой группе старших сестер и тетушек.

"Спасибо Вам за Вашу тяжелую работу", - прошептал подросток.

Его голос был немного хриплым, а окончания немного приглушенными, но все же он заставлял сердца людей трепетать.

Однако, когда Дин Сыфэй услышал его слова, первое, что пришло ему в голову, это то, что его акцент не из Дунцзяна, а скорее похож на южный.

Пока его мысли блуждали, он небрежно раскрыл свой блокнот и уже собирался начать делать записи, как вдруг поднял глаза и увидел, что подросток слегка улыбается ему.

Лицо Дин Сыфэя мгновенно покраснело, а блокнот выскользнул прямо из его руки. Он неуклюже поднял его и сказал, заикаясь: "Нет, не за что".

Он поднял блокнот, но его сердце все еще дико билось, готовое выпрыгнуть. Он сильно ущипнул себя и выругался: "Что ты делаешь? Ты - натурал, почему краснеешь перед другим мужчиной и так сильно нервничаешь?!"

Однако этот подросток был действительно хорош собой, ничуть не уступая кинозвездам, которых сегодня показывают по телевизору, и совсем не похож на тех подростков, которые работают на химических заводах.

Думая так, Дин Сыфэй и не смог удержаться, чтобы не посмотреть на него снова.

Теперь, когда он внимательно присмотрелся к нему, он обнаружил, что черты лица молодого человека поразительно красивы. Он выглядел худым, и его лицо казалось размером всего лишь с ладонь, а пара глаз цветущего персика смотрела с нежностью, очаровывая и завораживая. Его кожа была настолько светлой, что уголки глаз были слегка розовыми, нос - прямым, а губы - слегка поджатыми. Контур его губ был особенно четким с необычайно выраженной припухлостью в центре, но из-за того, что губы были бескровны, это побуждало людей жалеть мальчика.

П/п: 桃花眼 táo huā yǎn [тао хуа янь] - глаза цветущего персика/цвета персика, - глаза вытянутые и в меру узкие, кончики ближе к вискам буквально немного приподняты вверх; сама форма глаза похожа на лепесток персикового цветка, откуда и название, особенно это заметно при отсутствии улыбки; обычно характеризуется легким розоватым оттенком вокруг самого глаза, похожим на цвет спелого персика.

Лицо Дин Сыфэя вновь покраснело, и он не осмелился снова поднять взгляд на лицо молодого человека. Он успокоился и только потом начал записывать.

"Имя... имя?"

Подросток тихо сказал: "Пэй Жань".

Дин Сыфэй замер, почувствовав, что это имя ему несколько знакомо, а пожилая женщина сбоку быстро сказала: "Так тебя зовут Пэй Жань, Пэй Жань, - то же имя, что и у большой звезды! Неудивительно, что ты выглядишь так красиво!"

Мальчик улыбнулся, но промолчал.

Дин Сыфэй аккуратно написал имя "Пэй Жань" в своем блокноте, а затем спросил: "Какой у Вас идентификационный номер?"

Подросток выглядел немного растерянным и прошептал: "У меня нет удостоверения

личности..."

Дин Сыфэй был шокирован и уже собирался продолжить задавать ему вопросы, когда сестра рядом с ним не выдержала и отозвала Дин Сыфэя в сторону: "Сяо Пэй был сверхплановым ребенком, и родители увезли его с собой, когда поехали работать на юг, но он всегда был незарегистрированным членом семьи. Теперь, когда его родители умерли, он вернулся, чтобы найти своего брата, который работал на этом химическом заводе. Неожиданно..."

П/п: с 1979 года до 1 января 2016 года гражданам Китая обычно разрешалось иметь не больше одного ребёнка на семью (исключая случаи многоплодной беременности) или двух на одну семью в деревне (при условии, что первый ребёнок — девочка).

По сообщениям правозащитников, к нарушителям иногда применялись принудительные аборты и стерилизация.

Штраф за рождение второго ребёнка составлял 4—8 средних годовых доходов в регионе рождения.

Пожилая женщина долго и тяжело вздыхала: "Сяо Пэй - такой умный и воспитанный ребенок, но его жизнь слишком горька, товарищ полицейский, не упоминай больше о печальных обстоятельствах других людей, просто спроси нас, если у тебя есть вопросы..."

Дин Сыфэй: " Нет... Я просто снимаю показания!"

Пэй Жань протянул руку и потянул Дин Сыфэя за одежду: "Все в порядке, спрашивайте, пожалуйста".

Тетушки и старшие сестры смотрели, как он притворяется сильным, и у них еще больше разрывалось сердце.

"Он всего лишь ребенок! Он же не заключенный! Почему ты так строг к нему?"

"Просто спроси нас, стали бы мы на тебя ополчаться и лгать тебе?"

"Правильно, давай, выходи и спрашивай, не мешай Сяо Пэю отдыхать!"

Прежде чем Дин Сыфэй успел что-то сказать, его уже силой вытащили из палаты старшие сестры и тетушки.

Пэй Жань проследил взглядом за тем, как они вышли из палаты, затем вернулся к своей ладони, ладонь была теплой, это была температура, принадлежащая живому человеку, он крепко сжал кулак, его выражение лица было немного ошеломленным.

Он не думал, что выживет.

Семья Пэй Жаня имела давнюю историю и славилась своими боевыми искусствами. В семье была коллекция странных и причудливых текстов, и в детстве Пэй Жань любил просматривать книги в библиотеке, когда ему нечем было заняться. Эти рассказы о глазах инь-ян он читал именно в этой библиотеке.

Однако в то время Пэй Жань воспринимал эти записи о необыкновенных явлениях только как суеверия, про злых и добрых духов, призраков, сверхъестественные силы, не принимая всерьез. Только когда он умер и обнаружил, что его душа парит в воздухе, он осознал, что эти рассказы были правдой, и только тогда он заново вспомнил детали их содержания.

Он вспомнил, что в одном из них говорилось о правилах воскрешения призраков: если человек при жизни обладал достаточной силой веры, то после смерти его душа не уничтожалась, но он мог лишь бродить по тому месту, которым был одержим больше всего при жизни. Если он хотел выжить, его мог забрать только человек с глазами инь-ян.

Однако в этом мире было не так много людей с глазами инь-ян. Большинство младенцев были убиты безудержными призраками, как только они родились, а у тех немногих, кто доживает до взрослого возраста, глаза инь-ян запечатаны. Трудно было представить, насколько сложно для такого человека войти в место с привидениями и одновременно снять печать с глаз инь-ян.

Пэй Жань ждал столько лет, не встречая такой возможности, поэтому постепенно перестал думать об этом.

Однако он не ожидал, что ему действительно представится такая возможность, но упрямо подавлял свое желание возродиться и даже для того, чтобы подавить это желание, он отдал метку своей души другому человеку, временно закрывая его глаза инь-ян.

Еще меньше он ожидал, что Шен Хуай таким образом станет вратами к их воскрешению.

Когда он увидел этих двоих на стадионе Гонконга, он едва мог описать свой шок, но он также понял, что он отличается от Е Кана и других, что для него нет возможности переродиться в кого-то другого благодаря Шен Хуаю, и что единственным сосудом, который может стать его реинкарнацией, является Шен Хуай.

Поэтому он спрятался за спиной Тан Ваньцзюнь и молча следовал за ними, ожидая, когда печать на глазах инь-ян Шен Хуая снова будет снята, и тогда он воспользуется возможностью переродиться.

Но он не ожидал, что Шен Хуай, который явно был богатым представителем второго поколения, не издевался над мужчинами или женщинами, как это делал Го Вэньюань. Он был старательным, честным, утонченным, знающим и не таким уж искушенным. Он многое делал для Лу Яна и остальных втайне, но никогда ничего не говорил об этом, оставаясь молчаливо внимательным.

Чем дольше он следовал за другой стороной, чем больше узнавал о Шен Хуае, тем больше для Пэй Жаня это становилось невозможным.

Он долго мучился в душе и в конце концов решил сдаться. Он думал, что когда Шен Хуай вернется из Дунцзяна, он выйдет и все четко расскажет, а затем попросится с Тан Ваньцзюнь отдельно, но он никогда не думал, что произойдет несчастный случай.

Первоначально Пэй Жань был готов умереть, он использовал свою собственную душу, чтобы закрыть глаза инь-ян для Инь Цзинъи, и, в конце концов, его душа взорвалась, убив все черные тени вокруг него.

Вот только он не ожидал, что, проснувшись, вновь обретет плоть и переродится в человека.

После изумления он сразу же почувствовал восторг. Только умерев однажды, можно понять, как прекрасно быть живым.

В то время в больнице царил хаос из-за взрыва на химическом заводе, и его отправили в палату как одного из пострадавших при взрыве.

Когда Пэй Жань очнулся, он спокойно расспросил о ситуации у других раненых поблизости и своим слишком красивым лицом вызвал жалость у всех женщин.

Ему даже не нужно было много говорить, просто несколько туманных слов, а затем опустить голову с печальным выражением лица, а эти матери и сестры уже спонтанно заполнили его историю жизни за него.

Пэй Жань пролежал в больнице два дня, и его постель и тумбочка уже были завалены цветами, фруктами и всякими мелочами. Была также радушная сестра-хозяйка, которая рассказала ему все о больнице, а когда он сказал, что хочет прогуляться, другая сторона испугалась, что он заблудится, и даже нарисовала ему схему внутреннего строения больницы.

Пэй Жань некоторое время размышлял, затем встал с кровати, надел тапочки и вышел из палаты.

С невозмутимым лицом он быстро спросил о палате Инь Цзинъи. Открыв дверь, через всю палату он увидел, как пухленькая девочка сидит на больничной кровати. Ее мать кормила ее.

Ее отец положил мобильный телефон после того, как его отругали жена и дочь. В конце концов, он смог только поднять руки и сдаться.

Семья была счастлива, и тень на лице Инь Цзинъи тоже исчезла. Ее глаза инь-ян были полностью закрыты Пэй Жанем, и все воспоминания о призраках тоже исчезли, и в дальнейшем она будет расти счастливой и радостной, как любая обычная девочка.

На лице Пэй Жаня появилась улыбка облегчения. Он замешкался на мгновение, затем отступил назад и подошел к медсестре, демонстрируя свою фирменную улыбку: "Здравствуйте, могу я попросить Вас выяснить для меня, в какой палате находится Шен Хуай?"

Дополнение:

Информация взята с сайта:

<http://bankoffnet.ru/blog/2020/04/06/persikovye-glaza-nastoyashhie-i-lozhnye/>

Вот как сами китайцы описывают глаза персика.

Весь текст ниже не был переведен мной, и примечание оставлено переводчиком переводившим этот текст.

桃花 táo huā yǎn [тао хуа янь] – глаза цветущего персика

Настоящие персиковые глаза имеют соблазнительную форму, дарят улыбку, подобно цветам персика, и щурятся как два полумесяца. Такие глаза словно наполнены родниковой водой, которая придает им томность и трогательность. От переводчика: скорее всего речь идет о влажном взгляде с поволокой. Эти глаза дразнят и очаровывают, вызывая чувственные желания.

Поддельные персиковые глаза большие и закругленные на уголках. Эти глаза чистые, как у ребенка, в них нет очарования и соблазна, только любознательность и желание докопаться до сути проблемы.

Снизу - истинно-персиковые глаза, сверху - ложные.

<http://bllate.org/book/14503/1283635>